

Книги Алексея Пехова, Елены Бычковой,
Натали Турчаниновой
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Алексей Пехов

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ
СОЗЕРЦАТЕЛЬ**

Цикл

«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

Цикл «СИНЕЕ ПЛАМЯ»

**ЛЕТОС
СИНЕЕ ПЛАМЯ**

Алексей Пехов, Елена Бычкова,
Наталья Турчанинова

ШАНС

Цикл «МАСТЕР СНОВ»

**МАСТЕР СНОВ
СОЗДАТЕЛЬ КОШМАРОВ
ЭРИНЕРЫ ГИПНОСА**

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»

**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл

«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

Алексей Пехов, Андрей Егоров

ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

ИНОГДА ОНИ УМИРАЮТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ,
ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

ЭРИНЕРЫ ГИПНОСА

РОМАН

Москва. 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1071

Рисунок на переплете
В. Бондаря

Иллюстрации
М. Поповского

Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В.
П23 Эринеры Гипноса: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 377 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2504-4

Мир снов опасен и непредсказуем, не менее чем реальный мир. Угроза одного усиливается в пространстве другого. Прошлое приобретает все большую материальность, а призрачный, далекий, всеми забытый противник оказывается близким, свирепым врагом.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А.,
Турчанинова Н. В., 2017

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2504-4

Мир снов непознаваем, нелогичен, наполнен глубинными страхами и опасностями. Но он существует по своим жестким правилам и нерушимым законам.

Здесь нет судий, которые отмеряют степень вины. И нет палачей, исполняющих приговор. Однако все, кто погружаются в его реальность, редко осмеливаются разбивать парадоксы и логику сновидения. Потому что знают — рано или поздно возмездие настигнет нарушителя. В глубинах подсознания обитают свирепые эринии. Они продолжают преследовать тех, кто не в силах противостоять им. Даже в реальности. Обманывая чувства сильнее любого миража, разрушительные сожаления сокрушают волю.

А разум человека сам решает, насколько велико будет наказание — апатия, беспричинный гнев или сломанная жизнь...

Глава 1 ПРИЗРАКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Мы стояли у входа на небольшое кладбище.

Древняя арка ворот, сложенная из темно-красного кирпича, покрыта пятнами серого лишайника. Мощное основание утлопало в пожухлой траве. На полукруглом своде — как раз над замковым камнем — притулилось маленькое деревце, выросшее из семени, занесенного сюда с соседних берез. На тонких ветках удерживался один-единственный желтый лист. Его мотало ветром, и казалось, на вершину арки забрался тощий призрак и машет всем проходящим почти бесплотной ладонью.

Хэл смотрела по сторонам с вполне понятным любопытством и легким недоумением. До сих пор она еще никогда не была в древних некрополях.

Старый храм Гермеса Психопомпа — проводника умерших — возвышался в отдалении. И точеные колонны портика

спорили белизной со стройными телами берез, столпившихся вокруг здания. Несколько деревьев отбились от стайки подруг и разбрелись между могил.

Аромат прелых листьев, тумана и влажных древесных стволов сменялся холодным, стерильным запахом приближающейся зимы. В прозрачных кусочках неба, видных среди ветвей, скользили черные силуэты птиц. Вороны или галки. Здесь их всегда было много.

Хэл вопросительно взглянула на меня из-под густой каштановой челки. Я молча пошел вперед, указывая ей дорогу.

Дорожка с каждым годом становилась все более узкой, хоть ее и чистили. С приходом тепла сорные травы и одичавшие цветы напоздали на нее с обеих сторон, отхватывая все новые и новые куски жизненного пространства. Сейчас, поздней осенью, они поникли, высохли, затаились до будущей весны. Среди облетевших кустов застыли мраморные обелиски. Иногда весьма внушительные. Танатос с распахнутыми крыльями. Девушка, закутанная в длинный плащ — его складки, искусно выточенные из камня, казались настоящими. Сам Гермес, ведущий за руку юношу с понурой кудрявой головой. Атлетически сложенный мужчина, опустивший факел к земле...

Моя ученица шла позади, отставая время от времени, чтобы лучше взглянуть особенно впечатляющий памятник, и снова догоняла меня, неторопливо следующего по давно знакомой тропе. Подошвы тяжелых ботинок Хэл стучали по твердой земле, свежий запах ее духов то обволакивал меня плотным облаком, то растворялся в осеннем холоде.

— Такое чувство, будто я нахожусь во сне, — прозвучал у меня за спиной ее озадаченный голос. — В твоем сне. Напоминает то самое кладбище твоего мира.

— Вполне возможно, — отозвался я, поворачивая на тропинку между двух миниатюрных мраморных ротонд с колоннами не выше человеческого роста.

В стороне, за деревьями, виднелись люди в темно-фиолетовых одеждах — тесная группа возле одного из надгробий. Тихий шелест голосов вплетался в шепот ветвей.

Еще несколько старинных памятников, смутно знакомых из прошлого, и наконец та самая береза, в одиночку замершая среди тонких осин.

Я остановился у прямой черной стелы, поднимающейся из гладкой, отполированной плиты тяжелого основания.

Опавшие листья густо осыпали обелиск и землю вокруг. Хэл наклонилась, смахнула сор с гранита и положила на него букет поздних астр.

Я смотрел на имя, выбитое в камне.

«Феликс...»

Больше ничего. Ни барельефа, ни даты рождения и смерти, ни голограммы. Рядом с плитой холмик оплывшей от времени земли, покрытый дерном, в нем обломки камней.

Она взяла меня под руку.

— Думаешь, он сделал это сам?

— Разделил свое тело сновидения и физическое тело? Не знаю, Хэл. Я до сих пор ничего о нем так и не знаю.

Мы помолчали, вслушиваясь в шум ветра. Моя спутница переступила с ноги на ногу, мне было хорошо знакомо это движение нетерпеливого любопытства.

— Послушай, Мэтт, а он... Феликс... то есть его тело... — Она посмотрела на землю у себя под ногами. — Ты говорил, что похоронил его, я как-то не придавала значения твоим словам. Он что, лежит там? Внизу?

— Ищи меня шестью футами ниже, — произнес я задумчиво и ответил на ее вопрос: — Да.

Хэл покосилась на меня недоверчиво:

— Значит, это не просто символическое надгробие?

— Нет.

— То есть его тело не сожгли?

— Нет.

— Но почему?!

— Он просил меня незадолго до смерти не превращать его в пепел.

Ее пальцы сильнее сжали мой рукав.

— Послушай, а вдруг его тело сновидения, Феникс, существует только потому, что физическая оболочка... она не... — Хэл осеклась под моим взглядом.

— Думаешь, я похоронил его живым? И все это время он пролежал в коме?

— Нет, — смутилась ученица, — это невозможно, знаю. Просто... вдруг там... — Хэл уставилась на плиту, засыпанную листьями, с жадным любопытством и понизила голос: — Лежит вовсе не он. А Феликс скрывается где-то. Ты же сам говорил, тело сновидения не может существовать без физического тела.

— Не может, — подтвердил я.

— Значит, Феникс не должен выжить, когда умер основной носитель информации, личности. И потом любимая песня твоего учителя. «Ищи меня шестью футами ниже», она ведь про захоронение. — Хэл разворошила носком ботинка желтые опавшие листья на земле. — Может быть, это ключ, подсказка.

— Хочешь предложить откопать тело? Проверить? Возьмем пару лопат, вернемся ночью...

— Нет, — поспешила возразить она, передернула плечами и чуть отстранилась, выпуская мой рукав. — Конечно нет.

Богатое воображение ученицы мгновенно нарисовало перед ней чрезвычайно яркую и до отвращения правдоподобную картину.

— Я всего лишь пытаюсь понять.

Я тоже пытался его понять. И результат моих размышлений был весьма удручающим. Феликс заложил в мое подсознание приказ уехать, не выходить в мир снов, объясняя это тем, что хотел защитить. Я не удивлюсь, если на перековку отправил меня тоже он.

Нет ничего хуже, чем неуверенность в своих решениях. Впопугу погружаться в собственный мир снов, чтобы выискивать крючки многолетней давности. Глубоко запрятанные и замаскированные невинными символами.

— Доброе утро, — прозвучал рядом негромкий, глуховатый голос.

Мы с Хэл одновременно оглянулись. У соседнего памятника стояла немолодая женщина в темно-фиолетовом плаще, ее волосы покрывал платок такого же густого траурного цвета. На бледную щеку падала легкая седая прядь. На руках тонкие перчатки.

Я узнал ее. Та сама гостья, которая просила помочь смертельно больному мужу. Избавить его от страданий. Убить во сне. Милосердно и быстро. Я не помог ей и запретил вмешиваться Хэл.

Я бы на месте этой женщины не подошел здороваться с теми, кто отказал ее самому близкому человеку в легкой смерти.

— Доброе утро! — воскликнула Хэл радостно. — Как ты, Альба?

Ученица шагнула вперед и, к моему удивлению, обняла недавнюю гостью. Та с теплой улыбкой ответила на объятия девушки, мягко сжав ее плечи ладонями в фиолетовых перчатках.

— Все в порядке. Теперь уже все хорошо.

— А твой сын? Перешел на новую работу?

Они беседовали словно хорошие знакомые. Обсуждая родственников, погоду и бытовые мелочи. Меня всегда радовала коммуникабельность Хэл, но теперь вызывало недоумение, когда она успела узнать столько всего о постороннем в общем-то человеке.

— Сначала я не хотела вас беспокоить. Вы пришли к кому-то. — Женщина мельком взглянула на памятник. Однако имя на нем вряд ли что-то сказало ей. — Но решила все же поздороваться.

— Правильно сделала, — откликнулась Хэл. — Мы рады повидаться с тобой.

Та снова улыбнулась, посмотрела на меня. Доверие в ее глазах было предназначено и мне.

— Я обратилась в центр, как вы и советовали, целер. Для моего мужа создали сон. Очень хороший. Я видела. А в конце он ушел. Счастливый. Спокойный.

— Я рад.

— И это сновидение абсолютно ничего нам не стоило. Мне сказали, Полис дарит последний сон тому, кто в нем нуждается.

— Да, — кивнул я.

Женщина помолчала, скользнула взглядом по моему лицу и произнесла вежливо:

— Ну, не буду вас больше отвлекать.

Попрощалась и ушла.

— Когда ты успела с ней подружиться? — спросил я, глядя, как темный силуэт плывет между памятниками.

Ученица беззаботно пожала плечами.

— Просто позвонила пару раз. Узнала, как у нее дела. Посочувствовала. А что?

Я молча покачал головой, глядя на имя, выбитое в камне. Феликс также учил меня быть открытым, общительным, вежливым и внимательным.

«Любой заглянет в распахнутую дверь, но увидит лишь то, что ты захочешь показать. Запертая — вызывает неумное любопытство. Когда ее вскроют, найдут даже те тайны, которых за ней нет», — говорил он.

Хэл тронула мою руку, возвращая меня к реальности.

— Ну что, домой?

Было видно, ей стало неуютно здесь. И холодно. Кончик носа покраснел, лицо выглядело бледнее обычного. Каштановые завитки волос, придавленные капюшоном, распрямились,

жемчужно-серые глаза под цвет осеннего неба задумчивые и тревожные.

— Идем. Нас ждет работа.

Хэл прекрасно знала, о какой работе речь. Задание Тайгера. Вмешательство давнего врага Феликса, а теперь и моего, сбило все планы.

Едва мы вырвались из плена Альбиноса, зазвонил коммуникатор Хэл. Имя абонента — лекарь дэймосов. В первый миг нам обоим показалось, что мы еще не вышли из сна. Или сам кошмар выполз следом за нами в реальность.

Я ответил на звонок. Провел по сенсорной панели, принимая вызов, поднес плоский, прохладный корпус к уху. На той стороне безмолвствовала тишина. Бездонная, бесконечно длящаяся, затягивающая. Она оборвалась короткими, захлебывающимися гудками.

— Что? — тут же спросила Хэл, наблюдающая за мной.

— Ничего. Проверка связи.

Тайгер прав: никогда нельзя быть уверенным в смерти дэймоса. Появление Альбиноса — великолепное подтверждение этому.

Я был убежден, какое-то время звонков больше не будет. Ученица еще полчаса настороженно посматривала на коммуникатор, затем носила с собой по дому. Но, как я и предполагал, нас пока оставили в покое...

Хэл взяла меня под руку, деликатно подталкивая к выходу с кладбища на тот случай, если вдруг я решил задержаться здесь еще.

Я свернул на едва заметную тропинку, тянущуюся между древних памятников, и зашагал быстрее. Пара минут, и мы уже спускались с холма, где среди деревьев и высокой травы скрывались могильные плиты. У его подножия изгибалась дорога, дома на другой стороне — старинные особняки с каменными фасадами — аутентично вписывались в серый осенний пейзаж.

— Слушай, Мэтт, — сказала Хэл, когда мы шли по улице, спускающейся к реке. — Я пыталась узнать, кто все-таки был учителем Феликса.

— Ну?

— Я подумала, что если дом перешел к твоему наставнику по наследству, должны остаться документы о владении в архивах.

— И что?

— И ничего. Все бумаги сгорели.

— Ничуть не удивлен.

— У них есть данные только за последние двадцать лет. А там указано лишь твое имя, даже Феликс не упомянут.

Мы вышли к реке. Песчаный пляж был пустым и холодным. Моя лодка, вытасченная на песок, напоминала одинокого водного зверя, выбравшегося на берег. Мотор как вскинутый хвостовой плавник, бока — зеленые продольные пластины чешуи. Краска кое-где облупилась. Надо подновить.

— Еще я побродила по местному форуму. — Хэл перешагнула через невысокий борт и опустилась на узкую скамью, пока я вытаскивал из земли длинный штырь, служащий якорем-палом, и собирал гремящую цепь. — Пообщалась с народом. Говорят, во времена юности твоего учителя на этой стороне даже домов не было. Лишь полуразвалившийся остов мельницы на берегу.

— Да. Знаю. — Я столкнул лодку, на ходу запрыгнул в нее. — Феликс рассказывал.

И я мог себе легко представить. Пологий склон, поросший низким кустарником. Одиночные деревья. На поляне, за стройными лиственницами развалины, затянутые паутиной трав. Темно-красный кирпич ярко выделяется среди буйства крапивы. Давным-давно глину для него добывали в карьере неподалеку от того самого кладбища, где мы побывали сегодня.

Дом Феликса возведен на мощном фундаменте, оставшемся от древней мельницы. Идеальное место для жилища дэймоса.

Я поднял весло, сделал несколько гребков, направляя лодку на глубину, затем положил его на дно, завел мотор и сел на корму. «Зефир» заурчал на малых оборотах и послушно повез нас на другую сторону реки, где находилось наше убежище.

— Такое чувство, будто ты занимался этим всю жизнь, — с легкой улыбкой сказала Хэл, наблюдая за мной.

— Нет, только одну четвертую.

Темные леса по берегам напоминали длинную зазубренную корону. Далекие острые зубцы елей отливали темно-синим, редкая рябь сминала их черные отражения.

Хэл наклонилась, опустила руку за борт и тут же отдернула, подышала на побелевшие пальцы. Вода была ледяной.

Я слегка повернул румпель, заставляя лодку огибать остров. Он всегда был здесь. Одинокий часовой посреди реки. Ветви густого ракитника торчали над полузатопленной полоской земли растрепанной щеткой.

На середине реки Хэл плотнее закуталась в куртку и сунула руки в рукава.

Я невольно вспомнил.

Феликс сидит там же, где сейчас я. Серая бандана низко надвинута на лоб, желтые глаза прищурены. Одна рука лежит на рифленом румпеле, другая на колене.

Я смотрю вперед. Скорость небольшая, но достаточная для того, чтобы холодный речной ветер раздувал волосы, а в лицо летели мелкие брызги. Нос лодки с силой пропахивал глубокую борозду в воде, разрезая ее на два белых пенных крыла.

Время от времени я оглядывался, и учитель усмехался довольно, видя мой детский восторг.

Далекое воспоминание сменилось недавним яростным образом. Гневное, оскаленное лицо, пальцы, сжимающие мое горло. «Зачем ты полез в сон?!»

— Мэтт, — голос Хэл из настоящего, веселый, живой, теплый, вернул меня в реальность. — А что там? — Она махнула рукой, указывая вверх по реке.

— Несколько поселков. Высокие, песчаные обрывистые берега. Лес. Потом русло разделяется на два — старое и новое. Одно очень глубокое, с сильным течением, на втором много заводей, ивы склоняются над самой водой и нужно проплывать под ними, приподнимая ветви, как занавес, видно песчаное желтое дно... Очень красиво.

— Интересно, увижу ли я это когда-нибудь, — произнесла Хэл задумчиво.

— Увидишь. Если не в реальности, то в моем мире снов. Там есть очень похожий фрагмент.

Дома было прохладно. Старые генераторы едва справлялись с нагрузкой. Хэл натянула мой свитер, обернула ноги пледом, сидя на диване в гостиной, и грела ладони о чашку с чаем. Сейчас моя смелая, дерзкая гурия выглядела маленькой и ранимой. Каштановые растрепанные волосы сливались цветом с темными обоями, тело утопили под собой тяжелые шерстяные складки, из широких рукавов выглядывали тонкие белые руки, сжимающие мою чашку. Бледное лицо как страница из альбома с черно-белым рисунком, приколотым на стену за ее спиной.

Казалось, она растворяется в этом доме, полностью принимая его правила игры, больше не сопротивляясь, не пытаясь его переделать.

А еще Хэл изо всех сил оттягивала момент выхода в сон, придумывая одну за другой причины побыть еще в реальности. Согреться, выпить горячего, посмотреть новости, обсудить наши действия в мире сновидений и вот теперь впала в глубокую задумчивость.

Я присел на край стола, взял сахар из вазочки, прицелился и бросил его, метя в чашку глубоко ушедшей в себя Хэл. Попал. Она вздрогнула, когда белый пыльный кусочек булькнул, погружаясь в чай, вскинула на меня удивленный взгляд.

— Не засыпай, — сказал я ей. — Еще не время.

Наваждение рассеялось. Ученица больше не выглядела заторможенной, бледной тенью себя самой. В светло-серых глазах блеснул азарт, она огляделась в поисках того, чем бы кинуть в ответ. Не нашла и рассмеялась.

— Ладно, поняла. Я в порядке.

— Мне показалось или ты пыталась избежать неизбежного?

— Нет, но... Я не боюсь... — Хэл постукивала ложкой о края чашки, вылавливая сахар. — То есть я ненавижу чувство страха. Когда я боюсь чего-то, иду и делаю это, чтобы изжить его. Всегда. Но сейчас... Феникс говорил, ты не должен выходить в мир снов.

Она вопросительно приподняла брови.

— Я не могу не делать этого. Я не могу пойти против своей сути. Это моя работа, мое призвание, моя жизнь. Так же как и твои.

— А если нас опять попытаются убить, или захватить в плен, или еще что-нибудь...

— Нас всегда будут пытаться убить. Какая разница когда — сегодня или завтра.

Она помолчала, глядя в чашку, затем начала решительно выбираться из-под пледа.

— Ладно, идем, сделаем это.

Открывая нижний ящик шкафа, чтобы забрать трофей, найденный в сейфе, я слышал, как она бормочет, удаляясь: «И что будет на этот раз? Пустыня? Океан? Древние руины? А может, дикий лес..?»

Небрежный сверток лежал на листе бумаги, где я зарисовал послание, которое передали через сон. Еще одна загадка.

Когда я вошел в спальню, Хэл уже лежала, вытянувшись на кровати, и смотрела в потолок.

— Если это опять будет Баннгок... — произнесла ученица с вполне понятным ожесточением.

— Было бы неплохо, — отозвался я, укладываясь рядом с ней. — Я хотя бы ориентируюсь в этом городе.

Она усмехнулась невесело, удобнее устраиваясь на покрывале.

Я разорвал серую от времени бумагу, и мне на ладонь лег обрывок человеческой плоти. Мужское ухо, отрезанное давным-давно, было похоже на иссохший комок пергамента.

Я сомкнул пальцы вокруг трофея и откинулся на подушку. Хэл прижалась ко мне, потянула плед, укрывая нас обоих.

Волшебное слово «вокруг» почти одновременно погрузило нас в темноту.

Длинный переход. Падение. Медленное, долгое. Затем краткий миг беспамятства, без чувств, желаний, мыслей. И наконец полное осознание себя. Ошеломительное и оглушающее.

Я лежал на чем-то твердом, холодном... гладком. В один бок упиралась такая же жесткая преграда. К другому прижималось горячее, упругое тело в плотном коконе одежды. Хэл... Ее дыхание звучало тяжело и громко. Рука закинута мне на плечо, колено на бедре.

Я открыл глаза и ничего не увидел. Чернота окружала меня со всех сторон. Плотная, вязкая, без единого проблеска. Я вглядывался в нее, напрягая зрение, но не мог уловить ни далекого холодного сияния звезд, ни теплого подрагивания огоньков человеческого жилья, ни бликов на стекле. Ничего. Меня окружало черное безмолвие.

Хэл пошевелилась. К привычному запаху свежести ее духов примешивалось еще что-то знакомое, тревожащее, тягостное.

— Где мы? — произнесла она слегка невнятно. — Так темно...

Я протянул руку, и ладонь уперлась в прочную преграду над головой. Грубое, плохо обработанное дерево. Мир сузился. Сомкнулся вокруг меня. Острый, холодный, едкий запах, который ни с чем не спутаешь. Тьма, пропитанная им, легла на грудь многотонной глыбой.

«Дыши, — приказал я себе. — Просто дыши».

— Мэтт, — прозвучал над ухом голос Хэл. — Ты меня слышишь?

«Помнишь, ты хотела знать, чего я боюсь?»

Она завопилась рядом, шелестя одеждой, попыталась приподняться. Последовал гулкий удар и недовольный возглас.

— Так тесно...

«Вот этого. Узкое, тесное, замкнутое пространство. Быть похороненным заживо».

— Коробка... Нет, ящик. Закрыто. Но если постараться...

Она повернулась, прижалась ко мне спиной, я почувствовал, как напряглись все ее мышцы — видимо, уперлась обеими руками, надавила.

— Бесполезно. — Мой голос прозвучал глухо и сдавленно.

— Что? — Хэл перевела дыхание, сбившееся после физического усилия. — Почему?

— Ищи меня шестью футами ниже, — прошептал я очень тихо, и, конечно, ученица услышала.

— О чем ты?

— Мы в гробу, Хэл. А над нами шесть футов земли.

Она замерла, застыла, окаменела. Даже перестала дышать. Я ожидал крика, ужаса, смятения. И был готов сжать изо всех сил это тело, когда оно начнет биться о доски в слепой панике, но моя гурия резко выдохнула и произнесла сквозь зубы:

— Почему мы здесь?.. Океан, пустыня, развалины древних храмов... — Она усмехнулась. Или всхлипнула. — Почему нас похоронили?

— Не знаю.

— Может быть, он мертв? Тот, в чей сон мы попали. — Частое дыхание срывалось с ее губ вместе с торопливыми словами, обжигая мою кожу.

— Нет.

Она молчала мгновение, собираясь с силами, затем произнесла решительно:

— Ладно. Не бывает снов без выхода. Нужен свет.

Мне в бок уперся острый локоть. Лоб задела жесткие кружева, скользкая ткань по щеке, прядь волос зацепили грани пуговиц, и в темноте появился тонкий зеленоватый круг с рядом цифр по внешнему краю. Он осветил сосредоточенное лицо Хэл с закушенной губой, пышные волосы, уложенные в странную, сложную прическу, были совсем светлыми, словно присыпанными мукой, тугой воротник сжимал горло. Ее глаза казались черными из-за расширенных зрачков, кожа бледной, и только на скулах лихорадочно алели два пятна.

— Мэтт, но ты ведь вытащишь нас? Ты можешь нас вытащить?

Дышать становилось труднее. Тело покрывалось потом. Тугой обруч сжимал голову. Запах сырой земли забивал ноздри.

— Мы должны что-то сделать. Иначе задохнемся... Мэтт... Ты слышишь меня?!.. Аметист!

Звук моего истинного имени уколол, выводя из удушающей пустоты, а вместе с ним я уловил еще что-то.

— Тише, Хэл.

Я мог ошибиться, но знал, что не ошибаюсь.

Спустя еще одну невыносимо долгую секунду в густой тишине прозвучал скрежет... шуршание... стук.

— Слышишь?

Она снова застыла, крепко стиснув мое запястье.

— Да. Слышу. Что это?

— Нас откапывают. Лежи тихо. И не шевелись, что бы ни происходило.

Хэл погасила свет. Вновь прильнула ко мне. Что-то жесткое в ее волосах царапало мне подбородок и отдавало пылью при каждом вдохе.

Звук сверху повторился. Теперь стало ясно различимо — две лопаты вгрызались в землю, скребли по камням, ссыпали песок.

Ожидание становилось терпимым, когда появился смысл ждать. Сердце Хэл, прижимающейся ко мне, стучало часто и тревожно.

Наконец железо ударилось о дерево, послышались резкие мужские голоса. Невнятная перебранка.

Я сжал плечо Хэл, и ее вновь напрягшееся было тело расслабилось.

Заскрежетали гвозди, с трудом выходящие из пазов. Повеяло упоительным ночным воздухом, в котором смешивался запах жирной, разрытой земли, перегара и далекой зеленой листвы. В лицо ударил свет.

— Гляди, двое, — прозвучало над нами хрипло, сменяясь надсадным кашлем.

— Ну, видно, зарезал обоих, — отозвался лениво второй гробкопатель. — И уложил вместе.

— У девки браслет. Золото. И камни. Дай фонарь.

Белый свет ударил мне в лицо. Минимальное, едва ощутимое воздействие, и рука выкопавшего нас дернулась. Послышалось ругательство, звон разбитого о камень стекла, потянуло горячим запахом разлитого масла.

— Дуй за запасным! — рывкнул второй голос. — Я здесь в темноте шариться не собираюсь.

— Да как ты потом это место найдешь?

— Тут и других полно. Ну, пошевеливайся!

Тяжелые шаги протопали по краю ямы, тонкой струйкой посыпалась земля, забарабанив по нашей одежде. И через несколько секунд все стихло.

— Вставай. — Я открыл глаза и подтолкнул Хэл.

Она проворно вскочила и тут же пошатнулась, хватаясь за меня. Тусклый свет узкого серпа луны облил ее с головы до ног. Мне хватило одного беглого взгляда, чтобы понять — более нелепого одеяния я в жизни не видел. Многослойная черная юбка топорщилась кружевными оборками, туго стянутая талия, пышные рукава пузырятся на плечах, а от локтя до кисти плотно обхватывают руки, воротник широким ошейником подпирал подбородок. Но при этом в откровенном вырезе видна полубогаженная грудь в ореоле мелких кружев — ослепительная-белая кожа в контрасте с темной тканью.

— На себя посмотри, — фыркнула Хэл в ответ на мой насмешливый взгляд, оперлась обеими руками о край ямы и, ловко подпрыгнув, уселась боком. Перед моими глазами мелькнули две стройные ноги в тонких кружевных чулках с тряпичными розами на резинках. Затем ученица выпрямилась во весь рост, оглядываясь.

Я следом за ней выбрался из могилы. Таинственный недоброжелатель не стал утруждаться и закапывать нас глубоко. Сейчас на открытом пространстве все недавние тягостные предчувствия рассеялись, страх ушел, уполз под землю и затаился там. Я снова чувствовал себя свободным.

Вокруг простиралось бесконечное поле, изрытое ямами. Кое-где мелькали тусклые огоньки, слышался приглушенный скрежет лопат. Черными монолитами возвышались памятники. Покосившиеся, относительно новые и совсем древние.

По небу медленно скользили длинные облака, словно невидимый атлант тянул на себя полосы грубой серой ткани, а те никак не заканчивались. Вдали виднелось здание, но разглядеть, что оно собой представляет, пока было невозможно.

— Где мы? — тихо спросила Хэл.

— Мир дэймоса. А это его кладбище.

Я стянул шейный платок, затянутый на горле шелковой удавкой, и бросил его в яму.

— Это были химеры? Те, кто выкопали нас? — Ученица наклонилась и оборвала нижний волан на юбке, затем без жалости избавилась от гротескных рукавов.

— Да. Конечно. — Я сбросил узкое пальто из черной шерстяной ткани, сковывающее движения, за ним пиджак, жилет.

— Когда они вернутся и не найдут нас, то что? — Хэл выдра-ла из волос тонкую вуаль, встрясла горсть шпилек.

— Решат, ошиблись местом. Или нас забрали другие. — Я расстегнул верхнюю пуговицу темной рубашки, снял запонки, закатал рукава и понял, что наконец могу нормально дышать.

— Другие?

Я указал на огни, плавающие в темноте.

— Они тоже выкапывают тела? — Моя гурия внимательно наблюдала за этими тусклыми светляками, но ни один из них пока не двинулся в нашу сторону.

— Похоже на то. — Я подал ей руку и повел за собой, прочь от разрытой ямы.

В своем растерзанном одеянии, с взлохмаченными светлыми волосами Хэл напоминала растрепанную куклу, которую достали из пыльной коробки.

— Зачем?!

— У меня две версии. Первая. Дэймос, которому принадлежит это кладбище, решил исправить ошибки прошлого. Поэтому теперь могилы-метки стираются из его мира.

— У тебя тоже бродили калибаны, убирающие следы былых преступлений? — Она остановилась, крепко держась за мою руку, сняла неудобные туфли, отбросила в сторону и дальше пошла босиком.

— Нет. Летали куреты с лавровыми ветвями.

Ученица покосилась на меня, совершенно справедливо не поверив ни единому слову, но не стала комментировать. Прекрасная особенность, которая мне очень нравилась в ней, — не вытягивать ответы, когда собеседник действительно не хочет отвечать.

— Теперь тише и осторожнее.

Мы приблизились к ряду памятников, возле которых бродили химеры. Те были слишком заняты, чтобы обращать внимание на две тени, скользящие между каменных монолитов, но я предпочитал не рисковать. Приходилось двигаться крадучись, стараясь не попадать в полосы лунного света, укрываясь за надгробиями. Летел песок с лопат, поблескивали остро заточенные заступы, с глухим стуком падали обелиски, вывернутые из земли. Кто бы ни был таинственный дэймос, его кладбище подвергалось основательной уборке.

Совсем рядом, громко сопя и переругиваясь вполголоса, протопали два мужчины, несущие длинный продолговатый сверток.

Хэл содрогнулась невольно и прошептала, глядя в согнутые спины химер:

— Может, разгонишь их всех отсюда?

— Достаточно воздействий для этого сна. Не хочу, чтобы нас почуяли раньше времени.

— Думаешь, он скоро поймет, что мы здесь?

— Не знаю.

— Не удивлюсь, что нас занесло именно в такой мир сна только потому, что мы ходили на кладбище к Феликсу, — произнесла ученица тихо. — Игра подсознания.

— Ну да, — отозвался я глубокомысленно. — А на самом деле нас окружают дивные рощи и танцующие нимфы.

Моя гурия хмыкнула насмешливо и вновь промолчала.

Гробокопатели удалились на достаточное расстояние, и мы двинулись дальше. Ноги Хэл по щиколотку проваливались в мягкую землю, и очень скоро ее белые чулки стали черными.

Здесь стояли относительно новые памятники, и мне совсем не понравилось, как они выглядят. Это были фигуры людей, выточенные из камня. Гранитные, блестящие, как будто облитые маслом, все с одинаковой маской страдания на лице. Разинутые в безмолвном крике рты, выкаченные глаза, натянутые жилы на шеях.

— Вторая версия того, что здесь происходит? — тихий голос Хэл прозвучал немного смазанно. Ее тоже напрягали эти символы страдания и смерти.

— Помнишь разговор с Альбиносом?

— Да уж, не скоро забуду.

— Могилы из мира учителя могут переходить к ученику или наоборот. Похоже, здесь происходит именно это. Он или она переносит кладбище... Перекидывает свои метки другому сновидящему.

— Замечает следы, — предположила Хэл.

— Вполне возможно.

Мы замолчали, пропуская еще одного гробокопателя. Тот брел между надгробиями, бормоча что-то под нос, через каждый шаг плевал себе под ноги и сморкался.

Впереди, за памятниками, сбившимися в кучу, показалось громоздкое здание. В темноте оно выглядело сплюснутым и растянутым одновременно. Как будто кто-то распылил узкие

окна вместе с наличниками и стеклами, заточил до бритвенной остроты башни на крыше и раскатал в тонкий каменный пласт два боковых крыла.

К длинному крыльцу вела дорога. Когда-то широкая и нарядная, теперь она тонула в грязи, по обочинам обломанными черными зубами торчали разбитые пьедесталы статуй. Давно иссохшие кусты и деревья с измочаленными сучьями, кривясь, пытались выволочь из земли такие же мертвые корни.

Хэл продолжала в молчании следовать за мной, но по ее дыханию, неровному и шумному, я понимал — ученицу тревожит и в то же время озадачивает это место.

Неспокойное кладбище осталось позади, теперь мы шли открыто, с каждым шагом приближаясь к странной вилле. А может быть, та сама двигалась нам навстречу, покачиваясь от нетерпения, готовая быстрее проглотить двух путников широко разинутой глоткой двери и перемолоть острейшими зубами битых стекол, торчащих из оконных проемов.

Один шаг — и здание заслоняет собой треть неба, второй — крыша нависает над головой, третий — под ноги бросается первая ступенька лестницы. Повяло гнилью, сыростью камня, изъеденного лишайником, и трухлявым деревом. Дом выдохнул, прежде чем втянуть в себя наш запах.

— Может, нам не стоит так победно вышагивать здесь? — тихо спросила Хэл, глядя исподлобья на затаившееся здание. — Обошли бы по краю... и... нам обязательно надо заходить?

Я отрицательно покачал головой на первый вопрос, кивнул на второй и начал подниматься по лестнице.

— А если он сейчас там? Сидит и ждет нас? Что будешь делать?

— Поздоровуюсь.

Хэл неопределенно хмыкнула, то ли осуждая мою легкомысленную неосторожность, то ли, напротив, одобряя готовность к решительным действиям.

За монументальной дверью широко распахивался огромный, холодный, мрачный холл. Луна неплохо освещала его. Бросив взгляд наверх, я увидел круглую дыру в далеком потолке, сквозь нее просачивались внутрь рассеянные холодные лучи и падали редкие сухие листья, или дохлые ночные бабочки — издали не разобрать. Эти бледные ошметки устилали колоссальную лестницу, напоминающую величественную реку. Она брала начало с галереи, опоясывающей холл на уровне вто-

рого этажа, там два темных потока ступеней изгибались, чтобы слиться в единый каменный водопад перед нами.

Под ногами скрежетали и прогибались доски гниющего пола, под ними хлюпала вода, выплескиваясь сквозь дыры и трещины грязными фонтанчиками. Ступая по ним, Хэл пожалела, похоже, что поспешила избавиться от обуви.

Облупленная штукатурка покрылась плесенью и трещинами, мебель сгнила, напоминая о себе кучами трухлявых досок, истлевших обрывков ткани и черных обломков серебра.

На стенах висели портреты в тяжелых, громоздких рамах. Вернее, портрет. Одного человека. Черноволосый юноша с тонкими чертами. Одет он был точно так же, как я совсем недавно, вычурно и неудобно. Бледный, хрупкий, с изломанной линией бровей и узкими губами. Было в нем нечто отталкивающее, несмотря на внешнюю привлекательность. Чахлое, искаженное, гротескное, как и весь этот больной мир. То же самое неприятное ощущение пронизывало одежду и украшения, от которых мы с Хэл поспешили избавиться.

На первом портрете молодой человек позировал у столика, заставленного скрученными стеклянными сосудами, в другом любовался розами, в третьем сочинял стихи, четвертом — играл с собакой, на пятом читал книгу...

Мы проходили мимо, и казалось, темные блестящие глаза с десятков полотен внимательно следят за нами.

— Единственное уцелевшее здесь — картины. — Хэл рассматривала изображения, переходя от одного к другому, и, судя по скептическому выражению ее лица, увиденное не слишком вдохновляло мою ученицу.

— Это не картины, — отозвался я.

— Что же тогда?

— Зеркала.

Она стремительно оглянулась, ожидая увидеть прямо у себя за спиной столик на фоне портьеры или фрагмент цветущего сада, но там были прежняя рухлядь и запустение. В недоумении Хэл повернулась ко мне, и тогда я произнес громко:

— Может, пришло наконец время поздороваться с гостями?

— Гости вряд ли нуждаются в моем приветствии, — прозвучал в ответ мягкий, тягучий голос с едва заметным утомленным придыханием.

Хэл уставилась на ближайшее зеркало, откуда прямо на меня смотрел черноволосый юноша с книгой в руках. Не за-

стывший портрет, а вполне живой человек. Он криво улыбался, и его нервные пальцы мяли обложку тонкой книги.

— Так это он?! — спросила моя гурия изумленно. — Дэймос, которого мы ищем?

— Приятно, когда о тебе вспоминают. Пусть даже поздно. — Он рассматривал меня не отрываясь, жадно и в то же время трусливо, пытаюсь скрыть страх за высокомерием. — Я тебя не знаю. Ты ученик старого Нестора?

Хэл рядом со мной затаила дыхание, тут же ухватившись за первую ниточку полученной информации.

— Имеет значение, кто мой учитель? — осведомился я небрежно.

— У тебя моя вещь. Часть моего тела, если быть абсолютно точным. — Его пальцы продолжали терзать книгу, надрывая страницы, но он этого даже не замечал. — Справедливо, если я задам несколько вопросов, не находишь?

— Задавай. Отвечать или нет — мое право.

— Разумно, — процедил дэймос неохотно. — Как я могу к тебе обращаться?

— Мэтт.

— И...?

— И все. Просто Мэтт.

— Скажи мне, Мэтт, ты пришел, чтобы... Зачем ты пришел? — В его голосе звучали жгучая надежда и все тот же страх. Он боялся услышать мой ответ и одновременно страстно желал узнать правду.

Я молчал. Со стороны могло показаться, будто я наслаждаюсь своим положением, намеренно затягивая объяснение.

— Что происходит на твоём кладбище? — вмешалась Хэл, которой надоела роль безмолвной куклы.

Он не удостоил ее даже взглядом, нацелив все свое внимание целиком на меня.

— Зачем химеры выкапывают трупы? — продолжила она невозмутимо, но я видел — ее задает надменное равнодушие пленника. — Планируешь бегство? Или решил исправить ошибки прошлого?

Дэймос дернулся, словно его ужалили, разодрал книгу пополам, отшвырнул прочь, а его голос завибрировал, наполняясь неожиданной силой.

— Я умираю! — кричал он, захлебываясь. — Глупая девка!! Не видишь, что я умираю?! Я размазан по этому гнилому дому, а зеркала бьются!! Когда разбивается следующее, я знаю — про-

шел еще год. И вместе с ними откололась часть меня — моего разума, жизни, памяти! И у тебя хватает наглости говорить о бегстве?!

Он запнулся, тяжело дыша. В зале повисла звенящая тишина.

— Полегчало? — холодно осведомилась Хэл, отстраненно наблюдая за беспомощной злостью пленника.

Дэймос рывкнул в ответ что-то нечленораздельно-грубое, запустил пальцы в черные волосы, растрепав гладкую, прилизанную прическу с косым пробором. Глубоко вздохнул, пытаюсь успокоиться, и спросил:

— Ты пришел для того, чтобы вытащить меня, Мэтт?

Прежний наигранно-утомленный тон плохо давался ему.

— Где находится твое физическое тело?

— Александрия, — произнес он с заносчивой небрежностью. — Трехэтажный особняк на берегу Нейлоса. В данный момент сижу в дорогом инвалидном кресле на мраморном балконе. Дряхлая, трясущаяся, полубезумная развалина с гниющим мозгом, в шелковых одеждах, с лысой головой, покрытой коричневыми старческими пятнами, вялым, перекошенным ртом, из которого постоянно течет слюна, высохшими скрюченными ступнями в роскошных, мягких туфлях. Воняющий разложением, мочой и смертью.

Хэл отвернулась, сделав вид, что ее заинтересовал полет мотыльков, устало шелестящих хрупкими крылышками. Острое, неуместное сострадание к дэймосу — вот что она чувствовала сейчас.

— Освободиться не пробовал? — спросил я.

— Я занимался этим много лет, — ответил он с надменной холодностью. — Но Нестор очень сильный танатос. Этот дом был от крыши до потолка в зеркалах, где отражалась вся моя жизнь. Но даже в те времена я не мог вырваться.

— Я могу помочь тебе, — сказал я, глядя на пленника.

— Как?! — Он рассмеялся, тихо и сдавленно, почти не разжимая губ.

— Разобью зеркала. Все. Сразу. Оборву затянувшуюся пытку.

Хэл повернулась ко мне, я почувствовал на себе ее горящий, недоумевающий взгляд. Она твердо запомнила урок — мастера снов не убивают людей. Никогда. Ни при каких условиях. Единственная наша задача в подобной ситуации — разведать обстановку: поставить диагноз. А затем дожидаться специалистов. Но опасения ученицы были напрасны. Реакция от пленника последовала вполне предсказуемая.

Дэймос поднес ко рту дрожащую руку, прикусил ноготь на большом пальце и уставился на меня с ненавистью и ужасом.

— Нет! Не смей! Ты не можешь!! Я хочу жить!

— Разве это жизнь, то, о чем ты рассказывал. Мучительное, унижительное угасание.

— Пусть! Хоть так. Лучше, чем совсем ничего. Не убивай, умоляю!

Кем бы ни был загадочный Нестор, он создал для своего врага идеальную тюрьму. Освободиться тот не может, а разбить зеркала никогда не решится, потому что боится смерти. Он был готов цепляться за свое полумертвое тело в реальности, лишь бы выцарапать себе еще пару лет существования, относительно напоминающего жизнь.

— Что ты хочешь взамен? — похоже, еще немного, и дэймос упадет передо мной на колени.

Хэл передернуло от отвращения. Никогда раньше она не видела человека, который ставит себя в столь унижительное положение.

— Ответ на мои вопросы.

— Спрашивай, — сказал он с торопливой готовностью.

— Кто ты?

— Я? — Дэймос дернул плечом, приподнял брови, словно не понимая, как я могу не знать, и произнес невозмутимо: — Логос.

Контраст с прежним перепуганным, жалким пленником был разительным. Казалось, передо мной стоит совсем другой человек. Властный, заносчивый, с презрением относящийся к простым сновидящим, оказавшимся в поле его зрения.

«Логос», — повторил я про себя. Это имя в древней философии обозначало неизменную, неумолимую закономерность бытия. Человек, запертый в квадрате резной рамы, считал себя олицетворением закона нашего мира.

— Логос, — произнесла Хэл задумчиво, ее одолевали те же мысли, что и меня. — Это значит «слово», «мысль»?

— Для примитивного сознания. — Дэймос улыбнулся мне тонко и многозначительно. — Я тот, кто дает названия вещам и вызывает их тем самым из небытия.

Моя гурия переступила по мокрым доскам, забыв о грязной ледяной воде, заливающей ее ступни в изодранных чулках, подалась вперед, ближе к фанатично сверкающему глазами пленнику, чтобы не пропустить ничего из сказанного им.

— Я смысл всех вещей. Я провидение. Я высший Промысел.
Я — Бог.

— Кто, прости? — переспросила Хэл, ошеломленная таким поворотом.

— Бог, — повторил тот сдержанно. — Один из немногих, кто управляет миром. Избранный. Но мне, к сожалению, не повезло. На моем месте мог оказаться другой. И тогда я насылал бы болезни на тех, кто не желает смириться и признать истинность веры в нас, и лечил того, кто готов склониться...

— Слушай, какой-то бред, — шепнула мне в ухо Хэл, приподнявшись на цыпочки. — Видно, он свихнулся здесь в одиночестве.

— Нет, во всем этом есть смысл. — Я внимательно слушал дэймоса, ловя каждое слово. Любое из них могло стать ответом на вопросы, которые не давали мне покоя уже давно.

— В реальности меня зовут Лонгин Сотер. Мои предки из великого рода Птолемея, диадоха¹ Александра Великого, завоевателя Египтоса. Я — дэймос, как ты уже понял. Ламнос — вызывающий болезнь. Меня пленил и заковал танатос по имени Нестор. Давно. Очень... — Он прервал горделивую речь и добавил уже совсем другим тоном: — Это все, что я помню.

— Где вы с ним встретились? С Нестором.

Логос скривился, словно от сильной боли, его губы задрожали, он крепко прикусил нижнюю, вдохнул и выдохнул несколько раз, и выговорил наконец:

— Ты пришел слишком поздно. Моя память изъедена червями. Я знаю только себя.

— Заметно, — едва слышно сказала Хэл. — Только себя ты и помнишь.

— Тот, кто пленил тебя, хранил твое отрезанное ухо.

Он непроизвольно потянул руку к голове, но тут же опустил ее, обхватил себя за локти.

— Трофеей победителя.

— Как это произошло?

Логос дернул шей, черные волосы упали на лицо, скрывая глаза. Тусклые огоньки засветились сквозь разлохмаченные пряди.

— Ты был в Полисе?

Моя надежда на то, что название этого города всколыхнет его память, не оправдалась. Дэймос молчал.

¹ Диадох — преемник (греч.). — Здесь и далее примеч. авт.

— Ты приезжал в Полис из Александрии?.. Встречался там с кем-нибудь?

Он резким, деревянным движением вскинул ладонь, провел по лицу, открывая его. На лбу вздулись вены от напряжения. Логос честно пытался вспомнить. Я видел — он действительно старался. Изо всех сил, но безрезультатно.

— Тебе говорит о чем-нибудь имя Альбинос?.. Анахарсис?

Я уже понимал, что все это бесполезно, но не оставлял попыток расшевелить дэймоса.

— Ты знаешь танатоса по имени Стикс? Быть может, ламию Спиро?

Логос не отвечал, его взгляд был устремлен куда-то вперед и вниз. Я присмотрелся и понял, что заворачивает пленника. По стеклу медленно ползла трещина. ...Едва заметная, не толще волоса.

Хэл хотела что-то сказать, видно, ей на ум пришло еще несколько вопросов, но я схватил ее за руку, дернул в сторону, и сейчас же тюрьма дэймоса лопнула. Лавина грязных осколков, перемешанных с обломками деревянной рамы, хлынула на прогнивший пол, расплескалась грязью, стекла под доски, хлюпающая и чавкая там.

Из соседнего зеркала послышался оглушительный вопль. Логос, задыхаясь, бился в новом осколке пространства, и стебли роз с хрустом ломались под его ногами.

— Я не знаю! — кричал он. — Я ничего не знаю! Не спрашивай! Я не могу вспоминать!

Боль и отчаяние исказили его лицо до неузнаваемости. Еще один фрагмент личности дэймоса был уничтожен, наши вопросы стали катализатором этой неизбежной реакции, или прошел очередной год отпущенного пленнику времени, уже не понять... Но медлить и надеяться на разумную беседу дальше не имело смысла.

Хэл отступила еще на шаг. И тут по всем портретам сразу потекли темно-бордовые потоки. Они смыли изображение собаки, опрокинули столик, обрывки бумажных листов плыли по ним ослепительно-белыми клочками, потянув за собой ткань, украшавшую задний фон одной из «картин».

— Что происходит?! — воскликнула Хэл, хватая меня за руку.

— Обширное кровоизлияние в мозг.

Липкие струи заливали лицо Логоса. Крича от ужаса, он пытался стереть их обеими руками, слепо метался из стороны в сторону, натываясь на невидимые стены.

Шансов не было. Но я все равно приблизился и осторожно коснулся стекла, направляя в точку, к которой прижимался мой палец, максимум силы. Зеркало было горячим и пульсирующим. По моей руке побежала кровь, обжигающая словно кипяток. Она лилась на пол, уходя под доски пола, и гулко колокотала там.

Зеркало стало проясняться, появилось бледное лицо Логоса. Бурые потеки исполосовали его кожу, пропитали одежду, в белых от ужаса глазах мелькнула безумная надежда.

— Целитель! — взвыл он и потянул ко мне трясущиеся руки. — Ты целитель! Вылечи! Спаси!

— Стой на месте! — рявкнул я, но дэймос не слушал.

Он схватил меня, прикосновение ледяных пальцев обожгло не хуже кипящей воды.

— Назад!

— Вытащи меня!!

— Осторожно! — воскликнула Хэл и очень вовремя присела, прикрывая голову обеими руками.

Стекла лопнули. Все оставшиеся зеркала почернели и осыпались на пол мелкой пылью.

В лицо мне полетели шматки разодранных книг, раздавленные плети роз, зазубренные стрелы осколков. Свет в зале начал меркнуть. Надвинулась тьма. Не та, предполагающая глубину ночи или лабиринт узнаваемых предметов в замкнутом пространстве комнаты, а беспросветная, черная глушь. Сознание человека гасло, мозг умирал.

— Все. Уходим! — Я схватил Хэл за предплечье и потащил за собой.

Дом начал трещать по швам, оплывать, словно мокрая глина. Беззвучно развалилась лестница, осели стены, провалилась крыша. В этом разрушении не было величественного пафоса смены декораций одного сновидения на другое. Мир, окружающий нас, исчезал безудержно и безвозвратно.

— Он умер? — спросила ученица.

— Да. У нас осталось несколько минут.

Мы выскочили на крыльцо.

Памятники рассыпались, химеры — порождение рассудка сновидящего — исчезли. Земля выплескивала на поверхность обломки давних преступлений дэймоса. Они напоминали призрачные тени, блуждающие в сумрачном мире Аида. Последние искры гаснущего разума.

Я старался запомнить образы, как можно больше. Молодая женщина с мелкими, бесцветными чертами держит за руку мальчишка лет десяти. Он отдаленно похож на нее, но более яркий и выразительный. Пожилой мужчина с извилистым шрамом на щеке, юная девушка, почти девочка, с нездоровым румянцем и бледным, тонким профилем...

— Скорее, Мэтт! — теперь Хэл торопила меня.

Она бежала мимо призраков. Выбеленные волосы растрепанной кометой летели следом, оборванный подол черного платья шелестел и опутывал ноги, ступни проваливались в рыхлую землю. Но моя гурия не замечала ничего этого, спасаясь от тьмы меркнувшего сознания.

Я едва успевал цеплять взглядом — девочка на качелях, два подростка, сидящие рядом на траве. Женщина средних лет с измученным лицом и худым, костлявым телом, завернутая в темную одежду с головы до пят. Девушка в черном струящемся одеянии... все эти люди могли быть рядовыми жертвами, но, вполне возможно, кто-то из них имел важное значение. И лучше я буду помнить...

Призраки рассеялись, мгла повисла над нами каменной плитой, готовой обрушиться в любой миг и придавить обломками.

— Мэтт, куда дальше?!

Яма, из которой мы выбрались недавно, была на прежнем месте, не засыпана, не исчезла вместе с фрагментом сна. Черный, гостеприимно распахнутый провал в земле. Хэл затормозила на самом краю, взмахнула руками, удерживая равновесие, но я крикнул:

— Вниз!

И она без вопросов и сомнений прыгнула. Слетела в темноту, только мелькнули светлые волосы и белое пятно сосредоточенного лица. Прежде чем шагнуть следом за ней, я оглянулся и увидел последний силуэт на фоне мертвой безмолвной пустыни...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Призраки из прошлого	5
<i>Глава 2.</i> Арахна	28
<i>Глава 3.</i> Стрелок	40
<i>Глава 4.</i> Агломерация Александрия	57
<i>Глава 5.</i> Полис	77
<i>Глава 6.</i> Вес воды	98
<i>Глава 7.</i> Земля Птолемея....	114
<i>Глава 8.</i> Белый гуль	148
<i>Глава 9.</i> Вкус меди	182
<i>Глава 10.</i> Привкус лжи	197
<i>Глава 11.</i> Сотер	217
<i>Глава 12.</i> Морфей	238
<i>Глава 13.</i> Языком смерти	251
<i>Глава 14.</i> Волна времени	270
<i>Глава 15.</i> Право на вдох	304
<i>Глава 16.</i> Из бездны	326
Гипносарий	352